

Сбогар, были властителями дум нескольких поколений и, что особенно подчеркивал Пушкин, — российских уездных читателей и прежде всего читательниц. И вряд ли найдется исследовательская работа о «Дубровском», где так или иначе эта неоконченная повесть не сопоставлялась бы с романтической темой «благородного разбойника» в сочинениях названных выше писателей и близких к ним.

Упомянув в тексте романы Радклиф и назвав Дубровского устами князя Верейского «нашим Ринальдо», Пушкин сам спровоцировал соответствующие ассоциации у своих читателей. Каков должен быть образцовый «благородный разбойник», хорошо сказано у Н. Петруниной: «<...> герой, вынуждаемый вопиющим социальным (или семейным) беззаконием, бросает вызов обществу, становится разбойником во имя восстановления поправной справедливости. Конкретные формы его борьбы не важны. Важно обычно другое: если главарь шайки вдохновляется чистыми, благородными побуждениями, то в массе своей разбойники — народ бесчестный и кровожадный, хотя они по-своему преданы атаману. Невольные злодеяния тяготят душу и совесть благородного предводителя, но путь обратно ему отрезан: восстав за закон, он поставил себя вне закона. Его страдания умножает любовь — идеальное чувство, которое тем более мучительно, что оно разделено, и герой, повинувшись законам высокой нравственности, не может подвергнуть возлюбленную позору и невзгодам союза с убийцей и преступником. Нередко отверженный, не в силах противостоять страсти, появляется в доме героини под чужим именем, а снискав ее взаимность, раскрывает свое истинное лицо и во имя любви бежит от счастья».⁸⁵

На первый взгляд, все это вполне применимо к Дубровскому, и Петрунина справедливо отмечает, что в сведениях о прототипе

⁸⁵ Петрунина Н.Н. Пушкин на пути к роману в прозе: «Дубровский» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1979. Т. 9. С. 156–157.

героя — о реальном разбойнике Островском — нет ничего, что указывало бы на его благородство (с. 156), тогда как «у Пушкина Дубровский-разбойник с первых шагов прославился “умом, отважностью и каким-то великодушием” (VIII, 186)».⁸⁶

Пристальное чтение текста заставляет в этом усомниться или, по крайней мере, внести некоторые существенные коррективы.

Прежде всего: какие поступки следует считать «первыми шагами Дубровского-разбойника»? Очевидно, что в момент поджога собственного дома Дубровский еще не решился на разбой как на главный способ существования. Уже при пожаре он прощается со своими дворовыми и только по их настоянию назначает им свидание в Кистеневской роще. Его приказ (невыполненный) Архипу отпереть двери, чтобы приказные не сгорели заживо, вряд ли может считаться благородным поступком: чуть раньше он справедливо говорит Архипу, что «не приказные виноваты» (VIII, 183). Ничего особо благородного в предоставлении возможности невиновным, хотя и враждебным людям спастись от страшной смерти, кажется, не обнаруживается. Да и вряд ли можно этот жест считать первым шагом Дубровского-разбойника: шайка еще не создана, атаман ею еще не руководит.

Разбойники появляются только в следующей главе и к информации о них стоит прислушаться: «В <***> появились разбойники и распространили ужас по всем окрестностям. Меры, принятые против них правительством, оказались недостаточными. Грабительства, одно другого замечательнее, следовали одно за другим. Не было безопасности ни по дорогам, ни по деревням. Несколько троек, наполненных разбойниками, разъезжали днем по всей губернии — останавливали путешественников и почту, приезжали в селы, грабили помещичьи дома и предавали их огню» (VIII, 185–186).

⁸⁶ Петрунина Н.Н. Цит. соч. С. 156.